

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ ВОКРУГ СВЕТА

№1(7)
1962

СКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

...Может быть, с помощью таких созданных человеком «неощутимок» людям удастся побывать на самых неприступных планетах, своими глазами увидеть, что скрывается за их ядовитой атмосферой и в таинственных недрах. Об этом вы прочтете в фантастическом рассказе М. Емцева и Е. Парнова.

**М. ЕМЦЕВ,
Е. ПАРНОВ**

НА ЗЕЛЕНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Рисунки В. Умнова

— **В**он она, — сказал Нибон, ткнув пальцем в голубой экран. Андрей и сам уже видел планетку, известную под именем Зеленый перевал. Собственно, она была не совсем по пути, но навестить Корина считал своей обязанностью каждый, оказавшийся в ближней зоне.

— Получен сигнал от Корина, посадку будем производить по лучу.

— Тем лучше.

Андрей вылез из-за пульта и, поручив управление ракетой автоматом, лег в люльку. Нибон лежал рядом: под прозрачным

лиловым колпаком были видны его войлочная шевелюра и черные глаза. Всегда смуглое лицо теперь побледнело. После аварии на Черном Титане Нибон плохо переносил посадку.

Им здорово пришлось там попотеть. Андрей закрыл глаза... Она казалась осязаемой — эта тяжелая планета без солнца, без единого луча света. Планета вечной ночи. Андрей поежился, вспоминая пережитое... Программа исследований космоса требует мужества. Но когда ты не один, вдвое легче при любых обстоятельствах. Вот почему они летели к Корину.

— Мне кажется, я вижу хозяйство Джорджа, — улыбнулся Андрей.

...Через несколько минут оба космонавта стояли на посадочной площадке Зеленого перевала.

Яркий свет слепил их.

— Это тебе не Черный Титан, — Андрей надел темные очки.

— Почти как дома, на Земле, — отозвался Нибон. — Зеленень-то какая!

— Пожалуй, только небо уж очень фиолетовое. Ну да что там, главное — дышать можно. Без скафандра, а как полается... Вот она, ширь-то, хо-хо-о-о!..

«Хо-о...» — прокатилось по безлюдной зеленой равнине, окружавшей космодром.

— А где же Джордж? — спохватился Нибон. — Он нас не встретит?

— У него все киберы делают: встречают, отправляют, снабжают, заряжают... Мы сейчас поедem к нему, чай пить будем. Настоящий земной чай. Вот и машина.

К ним подкатил небольшой открытый аэромобиль.

— Хорошо, правда? — улыбнулся Андрей.

Дорога бежала среди густой травы. Проплывали мимо деревья. Андрей обрывал листву, жадно нюхал, слизывал капли росы.

В воздухе стоял легкий аромат неизвестных цветов.

— Какая у Джорджа специальность? — спросил Нибон.

— Биофизик. Радиоволны и жизнь — вот его занятие. Возможно, мы застанем его за изобретением радиолуча, который обгонит расширяющуюся вселенную и проткнет плешь самому господу богу. Работа для Джорджа значит не меньше, чем этот воздух.

Космонавты въехали в небольшую зеленую долину.

Посреди нее стоял белый чистенький домик, его единственной соседкой была тяжелая башня, утыканная антеннами самых причудливых форм и размеров.

В доме никого не оказалось.

— Может, он в башне?

— Вряд ли. Он бы увидел нас. Давай спросим секретаря.

Андрей повернул рукоятку черного ящика, стоявшего в кабинете Джорджа. Оттуда послышался мотив детской песенки, и хриплый бас произнес:

— Отбываю на неделю в биозону. Возвращусь семнадцатого.

— А сегодня что у нас? — спросил Нибон.

— Сейчас... Вот календарь, — Андрей взял таблицу и буркнул: — Не совсем ясно, тут одних четвергов пять штук — как говорят, семь пятниц на неделе.

— Планетка-то вертится быстро!

— Да, только успевай оглядываться. Джордж устроил себе календарь в переводе на земной: один понедельник — штрих, другой понедельник — два штриха, а суббота с индексом зет. Ага!.. Он будет послезавтра.

— Ладно, пошли отдыхать.

На крыше дома было уютно. Глубокие кресла с навесами хранили прохладу. Чуть покачивались листья пальм, доносился легкий шелест травы.

— Хорошо, — тихо сказал Андрей и добавил громче: — Как у мамы дома на Волге.

Где-то вдаль послышался красивый и печальный звук, словно лопнула струна.

— Что это? — спросил Нибон.

— Может быть, птицы, хотя я их не видел в прошлый раз, — сказал Андрей.

Далекий звон медленно гас, вместе с ним уходил день. Ночь здесь наступала быстро, небо сразу потемнело, стали появляться звезды.

— Трудно, наверное, здесь Джорджу одному, — сказал Нибон, разглядывая башню с антеннами метрах в пятидесяти от дома. — Я бы не смог.

Воздух стал холодным и влажным. Нибон провожал взглядом узенькую полоску света над горизонтом.

— Давно погибла Мария? — неожиданно спросил он.

Андрей ответил не сразу: думал о своем.

Им удалось вырваться из цепких лап Черного Титана. Они втроем на этой чудесной благоустроенной планетке, двое — здесь, один — где-то неподалеку, рядом. Ключок уже освоенного человеком космоса!.. После первых полетов в космос в 1961 году изучение вселенной пошло как нарастающая лавина. А вслед за тем началась и переделка космической природы.

— Мария погибла лет пять назад, — сказал он. — Тогда здесь еще не было ни одного зеленого кустика, не было и этой роскошной атмосферы. Она и Джордж работали в скафандрах, разводили плантации камнепожирателей — эти очень капризные растения переводили кислород из окислов элементов в атмосферу. Джордж и Мария дни и ночи ухаживали за ними. Приходилось работать одновременно в разных концах планеты, чтобы создать атмосферу в короткий срок. В то время сюда залетали небольшие метеориты. Такой осколок попал в шлем Марии, когда Джордж был далеко. Она пролежала без сознания слишком долго... С тех пор Джордж почти не покидает Зеленого перевала. Он был несколько раз на Земле, но каждый раз возвращался — ведет здесь исследования, начатые еще с Марией. Он решил довершить всю программу, намеченную ими на двоих. Он говорит, что это его долг как посланца человечества. И так ему легче.

— Знаешь, надо его как-то расшевелить.

— Неплохо бы, — рассмеялся Андрей, — устроить какую-нибудь шутку. Разыграть его, что ли. Немного земной человеческой атмосферы.

Утро ворвалось в спальню так стремительно, словно кто-то сдернул с Андрея покрывало.

Нибон уже сидел в столовой, пил чай и рассматривал альбом исследователей космоса.

— Тут больше знаменитостей, — сказал он, — чем встретишь за полгода в самой Космической Академии. И все с автографами. А вот эти два снимка сегодня же попрошу Джорджа перефотографировать для меня.

— Ты хочешь сказать, что сделаешь это завтра?

— Что за странная манера предполагать, что я хочу сказать, если я уже сказал то, что хотел?

Андрей, прихлебывая, допил стакан чаю. Нибончик умен, слов нет, но есть в нем этакое древнеегипетское, потаенное лукавство...

— Ты его видел?

— Да.

— Когда?

— Только что.

— Почему же он не здесь, он что, прячется?

Нибон молча пожал плечами.

— Я увидел его из окна и окликнул. Он помахал рукой и сказал, что сейчас будет здесь.

— Где же он?

— В башне.

— Нет, ты ошибся, я здесь! — раздался громкий голос, и в проеме окна появилась улыбающаяся загорелая физиономия Джорджа. — Привет, друзья!

На окно легла тонкая рука, за ней — другая, прыжок — и Джордж стоял в комнате. Он был высок, с широкой грудью и тонкими легкими ногами. Одетый в цветастую куртку и короткие брюки, он напоминал скорее беззаботного курортника, чем ученого-исследователя.

— Двери тебе стали не по вкусу, — улыбнулся Андрей. — Знакомься — Нибон. Мы с ним сидели на Черном Титане.

Джордж сделал приветственный жест, не заметив протянутой руки Нибона, сел — ноги крестом, руки на коленях.

— Итак, друзья, как вы чувствуете себя на этой планете? Как дома?

— Спасибо. Если б сюда еще те несколько миллиардов, которые населяют нашу старушку Землю, — заметил Нибон.

— Им бы пришлось спать стоя, — парировал Джордж.

Нибон прав. Здесь не хватает одного — людей. Люди, милые люди! С их смехом и слезами, любовью к прекрасному, с их упорством и даже с их ссорами. Как далеки они сейчас!

Джордж о чем-то подумал.

— Да, — сказал он. — Вселенная для людей. Они должны быть везде: на планетах, астероидах и даже на искусственных сооружениях. Об этом мечтал еще Циолковский...

Помолчали. Вдруг Джордж встал и выпрыгнул в окно. Андрей видел, как его сутуловатая спина поплыла к башне.

Нибон, глядя вслед Джорджу, сказал:

— Пять лет одиночества — большой срок, как ты думаешь?

— Ну, он не совсем одинок, у него постоянно бывают гости вроде нас с тобой.

— Смотри! — Нибон указывал на что-то в глубине двора.

— Что случилось?

— Ничего. Мне показалось...

Нибон провел рукой по лицу, словно отмахиваясь от навязчивой мухи.

В комнате раздался спокойный голос Джорджа:

— Друзья мои, я нахожусь в башне. Заходите проведать меня сейчас или в любое время.

Внутри башни сверкали синие глазки сигнальных ламп, трудолюбиво жужжали генераторы, скрытые ослепительно белыми стенами. Андрей про себя отметил образцовый порядок и чистоту в помещении.

Джордж находился на верхнем этаже.

— Поднимайтесь сюда, ко мне! — крикнул он сверху. — Лифт работает.

Верхний этаж представлял собой площадку кругового обозрения с решетчатым полом. Окно стеклянным кольцом охватывало башню, ниже причудливыми зигзагами рассыпались сотни кнопок пульта управления.

Кроме Джорджа, на площадке находилась странная подвижная конструкция, напоминающая осьминога. От веретенообразного тельца, поставленного на колесики, отщеплялось множество тонких и толстых щупалец. Механический осьминог катился вдоль пульта, на ходу нажимая на кнопки.

— Мой робот, — улыбнулся Джордж. — Джимми, познакомься с гостями.

Осьминог подкатил к Нибону и протянул ему лес своих рук.

— Придется пожать все, иначе обидится, — пошутил Джордж.

Андрей тоже перещупал холодные крючки и молоточки Джимми.

— Неприятно, что слепой.

— У него были глаза. Красные. Но перегорели, а мне недосуг вставить новые. У него локаторы. Он ориентируется и в полной темноте.

Нибон достал пачку и предложил Джорджу:

— Закуривай.

С быстротой молнии рука Джимми перехватила сигареты.

— Благодарю, бросил курить, — улыбаясь, сказал Джордж.

Нибон понимающе кивнул головой.

— Знаешь, — сказал Джордж, взглянув на Андрея, — вскоре после твоего первого посещения на Зеленый перевал доставили кибернетическую машину из Управления логических резервов. Вот она.

Он махнул рукой, указывая вниз, где сквозь решетку поблескивали металлические перегородки стендов.

— Наверное, старье какое-нибудь? — рассеянно заметил Андрей.

— Нет, почему же? Она отлично работает... Знаете, сколько биологических проблем осталось в наследство от Марии? Дело не только в том, чтобы планета была похожей на Землю. Нужно создать самые оптимальные условия для жизни человеческого организма.

Зеленый перевал задуман как база для заправки и осмотра кораблей и для отдыха экипажей. Космический санаторий...

Джордж надолго задумался. Потом неожиданно сказал:

— Ну, идите кончайте завтракать.

«Он, кажется, нас выпроваживает», — с удивлением подумал Андрей.

— Ты пойдешь с нами?

— Нет. И вообще, ребята, не обращайтесь на меня внимания, отдыхайте.

— Слушай, Корин, — сказал Нибон, подходя к Джорджу, — если мы тебе мешаем, скажи об этом прямо.

Он поднял руку и хотел опустить ее на плечо Джорджа. Тот быстро уклонился и отошел к окну.

— Откровенно говоря, друзья, я не смогу уделять вам много времени.

— В чем дело, Джордж?

— Опыт... Очень важный и сложный... Я не могу о нем рассказать.

* * *

— Пожалуй, пять лет одиночества действительно много, даже на Зеленом перевале, — уныло сказал Андрей. — Что ты там видишь?

Нибон стоял у окна.

— Несколько минут назад Корин со своим автопауком уехал по направлению к ракетодрому. Они оставили дверь в башню открытой, а я пошел захлопнул ее...

— Зачем ты это сделал?

— Так...

— Нибон, ты что-то знаешь? Хотя... ты всегда такой. Даже если тебе ничего не известно, производишь впечатление человека осведомленного.

— Иди-ка сюда, — позвал Нибон, и Андрей увидел, как из аэромобиля легко выпорхнул Джордж, а за ним, цепляясь щупальцами за дверцы, выполз Джимми. Робот был нагружен ящиками.

Джордж остановился перед закрытой дверью башни. Робот сложил ящики и потянулся тонким длинным щупальцем к замку. Дверь распахнулась, и Джимми с урчанием вкатился в темный прямоугольный вырез. Джордж вошел следом.

— Ну и что?

— Ничего, — ответил Нибон и пожал плечами, — пойдём поглядем.

— С удовольствием.

Они шли по полю, которое напоминало аккуратно подстриженный газон городского парка. Андрей бодро топтал упругую, как резина, зеленую травку.

— Первый признак психического расстройства — боязнь человеческого общества, стремление уйти от любого общения, — задумчиво говорил Нибон, шагавший впереди.

— Мне что-то не верится... — ответил Андрей.

— А если это не...

Нибон не договорил. Они вдруг увидели Корина.

Откуда он здесь? Как они могли не заметить его на этом плоском поле?

Джордж стоял, слегка покачиваясь и вращая головой. Глаза его остановились на космонавтах. Он резко обернулся и стал быстро удаляться.

— Джордж!

Корин молча ускорил шаг.

— Джордж, стой!

Корин вихрем мчался к башне.

— Погоди-ка, Андрей, — спокойно сказал Нибон. — Посмотри, как он бежит.

— Как?

— Он не мнет траву. От него не остается следов. Он бежит по воздуху!

— Ты с ума сошел!

— Слишком много сумасшедших для такой маленькой планеты...

Корин скользил по траве. Ни одна травинка не колыхнулась под его ногами.

Андрей протер глаза.

— Я не любитель внеплановых чудес.

— И я тоже. Нужно поговорить с Джорджем совершенно откровенно.

— Слушай, Ниб. Мне кажется, что ты знаешь про Джорджа больше, чем я. Вернее, подозреваешь его в чем-то, что мне неизвестно.

— Ничего особенного я не знаю. Меня мучат разнообразные предположения, но я боюсь давать им волю.

— Какие?

— Видишь ли, вначале я попросту решил, что он свихнулся. Прыгает в окна, боится людей, боится действий — почему он не сам открыл дверь башни? Ну и так далее. Но сейчас я ничего не понимаю... Смотри! Он исчез в своей башне.

— Как странно! — воскликнул Андрей. — Мне показалось, что он вошел, не открывая двери!

— То же самое мне показалось еще сегодня утром, — задумчиво сказал Нибон.

Когда они подошли к башне, дверь оказалась закрытой. Нибон ударил несколько раз.

— Джордж!

Молчание.

— Джордж! Корин!

Никого.

Они вернулись в дом обозленные и разочарованные. Андрей пытался проанализировать положение. Ему казалось, что этот Джордж чем-то неуловимым отличался от того прежнего Джорджа, которого он знал.

— Чем? — допытывался Нибон.

— Не понимаю, пока не понимаю, — говорил Андрей, — но это не тот Джордж, которого я помню.

Какое-то движение в комнате заставило их замолчать. В дверях стоял Джордж. Он прошелся мягкими, бесшумными шагами и сел напротив Нибона. Какая знакомая, привычная поза! Ноги крестом, руки на коленях... Андрей с жадностью всматривался в его лицо.

— Джо, нам нужно объясниться, — внезапно сказал Андрей.

Джордж молча рассматривал их, потом страдальчески свел брови:

— Да, я знаю, я должен многое вам объяснить, но вряд ли мне удастся объяснить все до конца. Поэтому прежде всего прошу вас не задавать лишних вопросов. Скажу все, что смогу, не больше.

— Но послушай! — Андрей вскочил со своего места. Молниеносное движение — и Джордж выскользнул из комнаты.

— Он способен исчезнуть из помещения, где заперты окна и двери, — сказал Нибон.

— Это наваждение какое-то! — возбужденно проговорил Андрей. — Ну, я понимаю — странности на чужих планетах, но свой, земной человек...

— Пожалуй, он уже не земной, а небесный. В нем как-то мало материального... — кисло усмехнулся Нибон.

— Ты еще что-то заметил?

— Мне просто кажется, что человек из мяса и костей не может двигаться так быстро.

— Ты думаешь...

— Ничего, пока ровно ничего. Мне только кажется, что ты напрасно его спугнул.

Андрей покачал головой.

— Все дело в башне, — сказал он. — Ты знаешь, что я сделаю? Я пойду туда, возьму Джорджа за горло, как говорили в старину, и заставлю его рассказать все как есть.

— Если за его горло вообще будет взята рукой, — в раздумье ответил Нибон, — в чем я сомневаюсь. И еще: тон Джорджа не внушает доверия. Неизвестно, какая неожиданность подстерегает нас при следующей встрече. Нужно быть осмотрительными.

— Нет, пойдем сейчас. Откладывать нельзя. Я думаю, что на этой планете произошла катастрофа. В этом нужно разобраться. Здесь что-то не то.

Когда они вышли из домика, башня Корина показалась им тихой и мирной. Андрей ощутил тревогу. Медленно приблизились они к двери. Она оказалась открытой. Нибон смело вдвинулся в яркую полосу света и прошел в здание. Андрей — за ним. В коридоре горели яркие лампы, лифт был пуст.

По-прежнему из-за стальных перегородок доносились неутолимые голоса генератора: вся техника в башне напряженно работала. Андрей посмотрел вверх. Сквозь решетчатый переплет ничего не было видно.

— Поднимись туда, — сказал он Нибону, — а я пошарю здесь, внизу.

Нибон вошел в лифт и, нажав кнопку, поднялся на верхний этаж. Пусто. Джимми дремал в углу, свесив свои многочисленные шупальца и усики.

— Андрей, здесь никого нет, кроме робота! — крикнул сверху Нибон.

— Сейчас иду.

Но когда он поднялся, Нибона там не было.

— Нибон!

Молчание. Джимми тоже куда-то исчез. Бессмысленными многоточиями смотрели на Андрея кнопки пульта управления...

Через полчаса безрезультатных поисков взбешенный Андрей выбежал из башни. Нужно было что-то предпринимать... Космонавт направился к ракете. Здесь он подготовил себя к борьбе со всеми фокусами планеты: надел скафандр, вооружился радиолучом. Этот прибор мог расстроить работу любой принимающей и передающей аппаратуры. Несомненно, такая аппаратура была вложена в Джимми.

Когда Андрей вернулся, во дворе никого не было. Космонавт решил обследовать сначала домик. Тяжело ступая коваными башмаками, он обошел все комнаты. Здесь ничто не изменилось. Пачка сигарет Нибона лежала на столе, куртка его по-прежнему висела на кресле. Андрей присел у окна, приготовив радиолуч.

Ждать ему пришлось долго. Никто не показывался, и Андрей решил сам войти в башню. Он встал, вышел из дома; в этот же момент из башни выехал Джимми и с тихим урчанием пополз к Андрею. В дверях появился Джордж.

— Послушай, Джо, — торопливо сказал Андрей, косясь на подъезжавшего робота, — я не понимаю, что тут происходит. Я многого не понимаю. Но ты бы мог, черт подери, по старой дружбе объяснить мне, в чем дело... Что с тобой, Джордж? Где Нибон? Что здесь произошло? Да убери ты этого паука наконец!

Джимми покорно остановился.

— Пожалуй, я тебе объясню, но потом... потом, — сказал ровным голосом Джордж.

Андрей посмотрел ему в глаза. И многие нелепые догадки превратились в уверенность. Взгляд Джорджа был страшнее, чем взгляд безумца. В нем не было ничего человеческого — какая-то бездонная пропасть...

Это заставило Андрея сделать бессознательное движение: пальцы легли на рукоятку прибора — радиолуча.

И в тот же миг притихший Джимми раскинул веером щупальца. Но Андрей нажал кнопку — и Джимми застыл в оцепенении, парализованный радиолучом.

Джордж, стоявший у двери, сделал какое-то суетливое движение. Оно было паразитическим, чудовищно странным. Часть его тела вошла в стену, как отрезанная, а другая часть выступала из стены наподобие барельефа. Времени было достаточно, и Андрей мог разглядеть все детали совершенно явственно. Он оцепенел. Удивление Андрея, казалось, забавляло хозяина Зеленого перевала.

Джордж молча улыбался. Космонавт видел морщинки на его лице, блеск слоны на белых зубах, глубину прозрачных светлых глаз, но не мог поверить, что перед ним обыкновенный человек из плоти, из крови, кожи и мышц.

Забыв обо всем, Андрей с криком ринулся к Джорджу. Он хотел схватить его... но почувствовал, что руки погружаются все глубже и глубже, пока ладони не соединились вместе где-то в теле Джорджа. Джордж был тут, перед Андреем, но схватить его было невозможно!

Голова Андрея упала на грудь Джорджа — ее словно засало туда. В этот миг Андрею показалось, что он попал в молочный шар. Радужные веера рассыпались перед его глазами, странная тяжесть сдавила виски. Он отпрянул назад. Все восстановилось. Он снова видел двор, башню с антеннами, застывшего Джимми на траве, яркое фиолетовое небо и по-прежнему улыбающегося Джорджа.

— Успокойся, — сказал Джордж.

И здесь Андрей впервые заметил, что звук его голоса шел не изо рта, а со стороны. Голос Джорджа звучал откуда-то из башни, словно там был спрятан суфлер.

Андрей вдруг успокоился. Когда много чудес, они перестают быть чудесами и не волнуют. В конце концов, решил он, эта противостественная галиматья должна найти свое объяснение. Самое главное сейчас — Нибон.

— Итак, — сказал Джордж, — ты смог убедиться, что я не совсем обычный...

— Где Нибон?

— С ним ничего не случилось.

Джордж скрылся в башне. Андрей вернулся в домик, сбросил тяжелый скафандр.

Андрей пытался рассуждать, но мешало волнение.

Значит, Джордж — это не Джордж, а какой-то призрак. Но он командовал Джимми. Схватить его невозможно. Но и сам он не может ни схватить, ни тронуть. Он не материален в житейском смысле. В этом его сила и в этом же слабость. Раньше у Джорджа был Джимми, робот-слуга, лаборант, помощник. Сейчас Джимми надолго парализован. Значит, у призрака нет материальных рук.

Перед окном дома снова возник Джордж. Он вышел прямо из стены башни и повис в нескольких метрах над почвой. Потом махнул рукой Андрею.

Сейчас Джордж напоминал канатоходца над ареною цирка. Внезапно он стал раздуваться, потерял облик человека и превратился в огромный сверкающий шар. На поверхности шара шло непрерывное движение, скользили белые, черные и цветные точки и пятнышки.

Затем шар сплюснулся, растянулся и лопнул посередине. Возникли два новых шара. Их образование сопровождалось громким хлопком, с антенн на башне посыпались большие голубые искры. Оба шара дрожали и расплывались, меняя свои очертания. Снова хлопок — и в воздухе повисли два новых Джорджа. Казалось, они очень обрадовались своему рождению. Призраки жали друг другу руки, хлопали по плечам и улыбались. Затем стали дуться и превратились в цветастые переливчатые шары. Через несколько секунд из этих шаров получилось четыре новых Джорджа.

Призраки размножались!

Их становилось все больше. Они заслонили от Андрея башню, и только по вспышкам на антеннах космонавт догадывался, что идет интенсивный процесс размножения.

Если перед ним призраки с обликом Джорджа, то где же... сам Джордж? Где то материальное тело, которое двигалось, дышало и работало на планете Зеленый перевал?..

Возможно, что опыты Джорджа привели к какой-то катастрофе, в которой сам Джордж погиб и возникли эти поганки? А может быть... Но может быть все что угодно...

Один из Джорджей отделился от группы призраков, подлетел к окну домика и, просунув голову в комнату, спросил:

— Каково впечатленье, а?

И все призраки во дворе одним голосом повторили:

— Каково впечатленье, а?

— Тяжелое, — напряженно ответил Андрей.

— То ли еще будет! — подмигнул Джордж и скрылся.

Даже для бывалого космонавта, встречавшего всякое на других планетах, происходящее было слишком нереально.

— Дурацкая комедия, — бормотал Андрей. Ему хотелось протереть глаза и уйти из сна. Но Нибон... Где Нибон? Да и Джордж... Что с ними сталось?

Нужно идти в башню. Механических братьев Джимми, если они существуют, можно парализовать в одно мгновение. А больше ему никто не страшен.

В дверях он наткнулся сразу на двух Джорджей и с разбегу проскочил сквозь них. Прием оказался удачным: Андрей не почувствовал никакой задержки, кроме яркой вспышки в глазах.

Он выбежал во двор и остановился. Все пространство между домом и башней было заполнено Джорджами. Одни небольшими группами проплывали над головами других, сидящих и стоящих внизу, на траве. И хотя это были все те же Джорджи, в одинаковых куртках и брюках, Андрей почувствовал, что они в чем-то изменились.

Он обратил внимание на их суетливые, даже как будто нервные движения. Призраки были возбуждены. Некоторые из них, растопырив руки, быстро-быстро, словно волчки, вращали головами. Появился микро-Джордж — миниатюрная, безукоризненно верная модель. И тут же Андрей различил в толпе несколько крупных экземпляров.

Призраки стали расслаиваться. Среди них теперь были гиганты и карлики. Андрей видел, как большой Джордж столкнулся с Джорджем обычных размеров и тот прилип к великану, стал ссыхаться... Наконец Джордж большой, невероятно раздувшийся, раскачиваясь на огромных ногах, подошел к следующему.

«Они засасывают друг друга. Час от часу не легче!» — подумал Андрей.

Чем больше становился призрак, тем легче он поглощал других. Цепная реакция взаимного поглощения охватила всех Джорджей. Сильный порыв ветра сбил Андрея с ног. Сражение шло уже между призраками-великанами.

Они соединялись со взрывом. Огня не было, но воздушная волна несколько раз швыряла Андрея. Потом он увидел, что у башни стоит один громадный Джордж. Все сравнительно небольшие предметы, расположенные вблизи, исчезали в нем. К призраку неслись камни и бумага, по воздуху плыли травинки и листья, облако серой пыли окружало его гигантские ботинки; все, что было не закреплено, не прибито, не привязано, двигалось к великану.

«Как бы он меня не того...»

Мощный толчок поднял Андрея над почвой. Его перевернуло

и понесло вверх по невидимой спирали. Андрей задыхался от пыли и жары.

И вдруг он почувствовал, что подъем прекратился.

Андрей стал описывать концентрические круги, заскользил вниз по очень пологой спирали и упал.

Андрей протер слезящиеся глаза и увидел, что лежит засыпанный пылью перед башней. Джорджа-призрака не было. Двор опустел.

— Андрюша! Друг! Не ушибся? — из двери башни к Андрею, протягивая руки, летел со всех ног Нибон — живой, здоровый и невредимый, с чуть смущенной улыбкой на толстых губах. За ним появился Джордж и встал на пороге в застенчивой и растерянной позе.

— Вот глупо получилось! — тараторил Нибон. — Этот опыт... его давно надо было прервать, а мы...

— Опыт! Мы?! — из ноздрей Андрея, как у сказочного конька, вылетали клубы пыли. — Ты хочешь сказать, что и ты тоже?..

— Но пойми...

— Ну, знаешь! — возмутился Андрей.

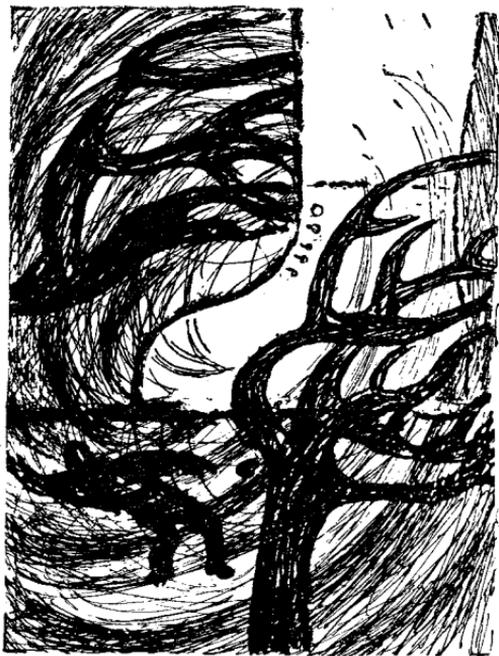
— Если бы ты видел, какая это замечательная установка!

— Сейчас я сам разберусь!

Андрей пошел к башне. В дверях он насмешливо взглянул на призрака, загородившего путь, и рывком ринулся сквозь него.

Ему показалось, что он свернул себе шею. Призрак, твердый и тяжелый, как мешок с дробью, лежал на спине, дрыгал ногами, и стонал, и смеялся...

— Джордж, дружище! — Андрей понял, что перед ним настоящий Корин.

* * *

И вот они втроем на плоской крыше коринового домика. — Надеюсь, ты больше не перевоплотишься? — насмешливо спросил Андрей.

— Нет, мой дорогой, нет. Знаете, почему-то каждый, кто сюда прилетает, считает своим долгом придумать какую-нибудь шутку... А я вот решил сам вас разыграть. Но — о работе...

Джордж взглянул на темное небо. Планетка Зеленый перевал повернулась лицом к ночи.

— Вначале была мысль, и довольно простая, — сказал Джордж. — Я ее выражал одним словом — стереотелевидение.

Для обычного телевизора нужен экран из определенного материала. На таком экране электронный луч рисует изображение. Ну, а почему бы не сделать экраном пространство? Если бы изображение удалось передать в пространство, то мы получили бы объемное наглядное представление о передаваемом объекте. Однако с обычным пространством ничего не получалось. Сколько я ни бился!.. Тогда я пришел к выводу, что, пожалуй, экран все равно нужен. Но экран особый.

Вы, конечно, слышали об искривлении пространства под влиянием больших масс? Так вот, вскоре мне для опытов доставили с Земли генератор искривленного пространства*. Мощное гравитационное поле, получаемое в вакуумном ускорителе, обладает совершенно новыми, замечательными свойствами. Чем выше мощность гравитации, тем сильнее искривляется пространство. При определенном значении мощности искривление достигает максимальной величины, и пространство в какой-то своей части словно свертывается, замыкается в себе. Образуется шарообразное гравитационное поле, отличающееся по своему строению от окружающего его обычного поля.

Такое, как я его называю, гаусс-пространство совершенно непрозрачно. Световые лучи находятся в нем, словно в тюрьме. Они не способны вырваться наружу и двигаются по круговым орбитам. Зато свет, попавший на поверхность такого шара, хорошо отражается и видим для любого постороннего наблюдателя. Раз возникнув, гаусс-пространство уже не исчезает, пока не прекращается энергетическое питание. Оно может двигаться в обычном пространстве практически с любой скоростью, вплоть до световой. Его можно расширять или сжимать вроде камеры раздутого мяча.

Ну, сами понимаете, я возликовал. Вот здесь, перед моей башней, висел большой белый шар — потенциальный экран будущего объемного телевидения. Каждое утро, проходя мимо, я приветствовал его.

Потом очень долго бился над тем, как придать гаусс-пространству форму передаваемого объекта. Мне удалось этого достичь, разработав специальную камеру для телепередачи. Вы видели яйцевидный колпак в моей лаборатории? Это та камера.

Человек или вещь заключались в камеру. Электронные лучи, направленные со всех сторон на человека, прощупывали каждый изгиб, каждую складку на одежде. Информация о размерах и форме объекта передавалась в виде импульсов гаусс-генератору, и он искривлял пространство согласно этой информации.

Таким образом, в один прекрасный день я получил свой отпечаток, если хотите, слепок, в пространстве. Перед башней висел уже не шар, а Джордж, словно высеченный из мрамора.

— А как же с цветом? Ведь призрак имел естественную, при-

* Существование гравитационных волн вытекает из теории относительности Эйнштейна. О возможности использования в будущем гравитационных волн для связи см. журнал «Знание — сила» № 12, 1961 г.

родную окраску! — перебил Нибон. — Я отлично помню его щеки и глаза.

— Правильно, но это произошло позже. Вначале Джордж-призрак был молочно-белый. Манипулируя с помощью гаусс-генератора, я заставлял свое изображение морщиться и гримасничать, как мне хотелось. Ничтожные изменения в мощности излучения заставляли изображение корчиться самым диким образом. Призрак оказался легкоуправляемым. Потом я поручил управлять движениями Джорджа-призрака кибернетической машине, полученной из Управления резервов. Машина сильная!.. Я установил ее в башне и приспособил для своих экспериментов. И уже недели через три Большой Кибер полностью овладел работой гаусс-генератора и руководил движениями призрака почти так же хорошо, как я сам.

Все шло хорошо, а вот окраска меня беспокоила. Белый цвет изображения стал раздражать, но я долго не мог ничего придумать, пока не занялся изучением структуры гаусс-пространства. И что же? Мне удалось установить, что плотность гравитации на поверхности шара может изменяться с изменением режима энергетического питания. При некоторых значениях этой плотности электромагнитные волны способны проникать внутрь гаусс-пространства. Это значило, что часть световых лучей способна проникнуть, поглотиться гаусс-пространством, а следовательно, другая часть лучей, отраженная, дала бы окраску, цвет. Но вот беда, поглощение и отражение световых лучей происходило при низкой мощности гравитационного поля, когда гаусс-пространство не смыкалось в сферу. Тогда, знаете, что я сделал? Наложил пространство на пространство. Два гаусс-пространства, отличающихся мощностью, попадали в одно и то же место. Сверху мощного гравитационного поля я положил более слабое, которое, как пленкой, покрыло сильное гаусс-пространство. В этой пленке происходило поглощение и отражение световых волн. В зависимости от плотности этой пленки изменялась степень поглощения световых лучей в каждой точке на поверхности гаусс-пространства. Большой Кибер регулировал величину плотности и тем самым изменял цвет на любом участке стереоскопического телеизображения. Я стал получать объемные цветные изображения различных предметов. Это была полная победа, и я уже хотел сообщить о ней на Землю тем, кто постоянно помогал мне и консультациями и оборудованием. Но тут произошло событие, заставившее меня надолго забыть обо всем на свете.

Цветные изображения стула, шляпы, прибора, газовой горелки вполне удовлетворяли меня. Они висели в воздухе перед башней, и я детально осмотрел их и не нашел никакого изъяна. Все было как следует. Предметы как предметы.

— Только пользоваться ими нельзя, — заметил Нибон.

— Да, пользоваться нельзя, но использовать можно.

После многочисленных опытов я решил перейти к собственному цветному изображению.

Моя кабина стала еще более сложной. Ее окружало сплошное электронное измеряющее поле, которое фиксировало пространственное положение тела, его форму, объем, цвет моего лица, одежды и рук. Эта информация передавалась Большому Киберу,

а от него в виде определенных команд поступала в большой и малый гаусс-генераторы. Большой продуцировал основное гравитационное поле, а малый давал ту пленку, которая облекала красками телеизображение.

И вот в один прекрасный денек я влез в свое передающее устройство, включил аппаратуру и стал ждать. Передо мной находился экран обычного телевизора, на котором были видны двор, башня и молочный шар гаусс-пространства. Я наблюдал, как деформировался белый глобус, приобретая форму и цвет моей одежды. Я уже различил собственные руки и ноги, голову, и вдруг... что-то произошло. Я перестал видеть экран телевизора, Большой Кибер, гаусс-генераторы; меня словно выбросили из башни, хотя я не чувствовал никакого толчка, кроме боли в глазах.

Я очутился в моем дворике на месте гаусс-пространства. Я видел свой дом, башню, траву в нескольких метрах под ногами и небо над головой. И в то же время я находился в своем передающем устройстве, хотя его-то я совершенно не видел. Когда я поднимал руки, они упирались в скользкие пластмассовые стенки. Я сделал шаг и ударился лбом о преграду. Вообще поставил я себе синяков, пока нащупал рубильник! Отключил питание — и сразу увидел кабину, в которой находился все время.

Так я открыл эффект обратной связи. Вы понимаете, что оказалось? Что световые волны взаимодействуют с поверхностью раздела между двумя гаусс-пространствами. И это взаимодействие было зафиксировано в передающем генераторе, а оттуда сигнал об этом взаимодействии с помощью Большого Кибера попал в мои глаза в виде световой волны.

То, что видели мои бесплотные глаза вне башни, я увидел, находясь в своей кабине! Тогда я понял, что сделал еще одно открытие. Я решил проверить все сызнова. Опыты подтвердились. Облагная связь существует.

Теперь, находясь в кабине, я, не двигаясь с места, как фантастический призрак, облетел всю планету, наблюдая и созерцая ее. Это доставляло мне огромное наслаждение. Лучше любого обычного телевидения.

Мне даже удалось подняться над атмосферой Зеленого перевала. Но подняться выше, в космос, я не смог, не хватило мощности у большого гаусс-генератора. Да и для сегодняшнего эксперимента пришлось накапливать мощность несколько месяцев.

Джордж задумался, покачал головой и продолжал:

— Да... Так вот. Исследуя обратную связь, я все время работал в телецентре. Это было необходимо, чтобы своими глазами видеть все, что находилось вне башни.

Позже я решил покинуть телекабину. Сделать это было очень просто. Вместо себя на линии обратной связи я установил устройство, принимающее световые сигналы, и соединил его с Большим Кибером, который расшифровывал и полученную зрительную информацию. Так был создан Джордж-неошутимка. Я присвоил ему имя Джо-1.

Казалось, на что он мне нужен? Но я ставил определенную цель. Сама по себе обратная связь и стереоизображение — это, конечно, хорошо... Но я думал... Всем нам, исследователям кос-

моса, нужен такой удобный помощник. Не кибер типа Джимми, а Джо-1. Представляете, как заманчиво иметь такого неуязвимого друга в наших опасных путешествиях на другие планеты! Он войдет в ядовитую атмосферу, проникнет в пламя и огонь, не побоятся холода космоса.

Мало того, я думал, что псевдо-Джорджа можно будет использовать для сбора информации без присутствия человека. Оставьте Большой Кибер на неизвестной планете, а сами летите себе дальше по своим космическим делам. Возвращаетесь. А за это время псевдо-Джорджик облазил всю планету, исследовал все что мог. Если ему дать в помощь Джимми, который может поднимать тяжести, двигать камни, отбирать пробы, проводить анализы, то псевдо-Джордж станет незаменимым исследователем и таких мрачных планет, как ваш Черный Титан. Геологи и строители, которые позже придут на эти планеты, скажут автоматам-исследователям пребольшое спасибо.

— Ну, а если на планете нельзя по каким-то причинам разместить Большой Кибер? — спросил Андрей.

— Нет ничего проще. Большой Кибер может быть размещен где угодно: на искусственном спутнике, на соседней планете, наконец, на соседней планетной системе, находящейся довольно далеко от места исследования. Это не имеет существенного значения. Я даже думаю, что псевдо-Джорджи будут мчаться впереди ракет-астролетов. Космонавты «своими глазами» издалека увидят приближающуюся опасность. Кстати, они смогут побывать на планетах, так сказать, на ходу, не совершая посадки.

У псевдо-Джорджа есть одна особенность. Благодаря своей сущности (он ведь представляет собой комочек искривленного пространства) он очень чутко относится к увеличению гравитации. Если Джордж попадает в сильное гравитационное поле, он деформируется, сплющивается и исчезает. Вот вам прекрасный гравилокатор для космонавтов — приближение сильного гравитационного поля будет сопровождаться появлением мутной пленки в поле видимости призрака...

— Ну, с таким гравилокатором не успеешь быстро развернуться, — заметил Нибон.

— Почему? Псевдо-Джордж может лететь впереди ракеты на сколь угодно далеком расстоянии. Если только будет достаточно мощный генератор. Я уже не говорю о новых будущих формах связи между планетами, заселенными людьми. Для того чтобы побывать на Марсе, Венере, на всех планетах солнечной системы, человек может даже не выходить из своей квартиры на Можайском проспекте.

— Удивительно... — пробормотал Андрей.

— Конечно, псевдо-Джордж не для индивидуального использования. Но вот задача: а что, если псевдо-Джорджу придется исследовать одновременно несколько отдаленных уголков планеты, а то и несколько планет, разделенных большими расстояниями? Конечно, его можно перебрасывать с места на место, но это не всегда удобно.

Одним словом, для того чтобы Большой Кибер на Земле смог собрать обширную научную информацию, нужен не один псевдо-Джордж, а много, чтобы их можно было держать в разных мес-

тах планеты и на разных планетах и периодически переключаться с одного на другое.

— Потрясающе! — воскликнул Андрей. — Телевизионное ателье «Прогулка по планетам». Кнопки с надписями «Уран», «Сатурн». Нажал кнопку — совершил космическое путешествие!

— Вроде этого, — улыбнулся Корин. — Вот для этих целей я задумал размножить Джорджей. Как раз перед вашим прилетом... А когда вы прибыли, решил продолжать испытание, ну, и заодно немного вас подурочить. Нибон первый догадался, и я посвятил его в свои опыты...

— Нибон?! — укоризненно сказал Андрей.

Космонавт смущенно развел руками:

— Виноват, но нам была интересна твоя реакция.

— Ладно, — примирительно сказал Андрей. — Правда, я чуть мозги себе не вывихнул, пытаюсь разобраться в этой галиматье!

— Ничего, Андрей, это принесло тебе пользу, а мне — факты. Должен сказать, что опыт не удался или, вернее, почти не удался... Придется еще много работать. Оказалось, что мои гаусс-генераторы при большом числе делений дают неправильное, неравномерное распределение гравитационного поля. Получилось так, что в одном Джордже плотность гравитации больше, чем в другом. А этого было достаточно, чтобы они стали поглощать друг друга, словно капли ртути. Когда мы увидели, что тебя, Андрей, стало затягивать гаусс-пространство, мы постепенно сняли питание и осторожно опустили тебя на траву. Ты извини меня. Нибон сразу требовал прекращения опыта, но я никак не мог остановиться.

— А мне и самому было очень интересно, — сказал Андрей. — Только жаль, что я без вас во всем не разобрался.

— Ну, ведь это было не так уж и просто, — улыбнулся Джордж и добавил, обращаясь к обоим: — Теперь я, ребята, полечу с вами на Землю: дорабатывать эту штуку надо там. Кибер мы оставим присматривать за планеткой. Так что дежурство будет продолжаться. Правда, его нужно подготовить...

— Идет! — согласился Андрей. — Трех дней нам хватит?

